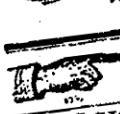

ВСЕМИРНЫЕ

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

газета политическая, литературная, научная, общественная и коммерческая.

в мѣ "Унионъ"
состоится

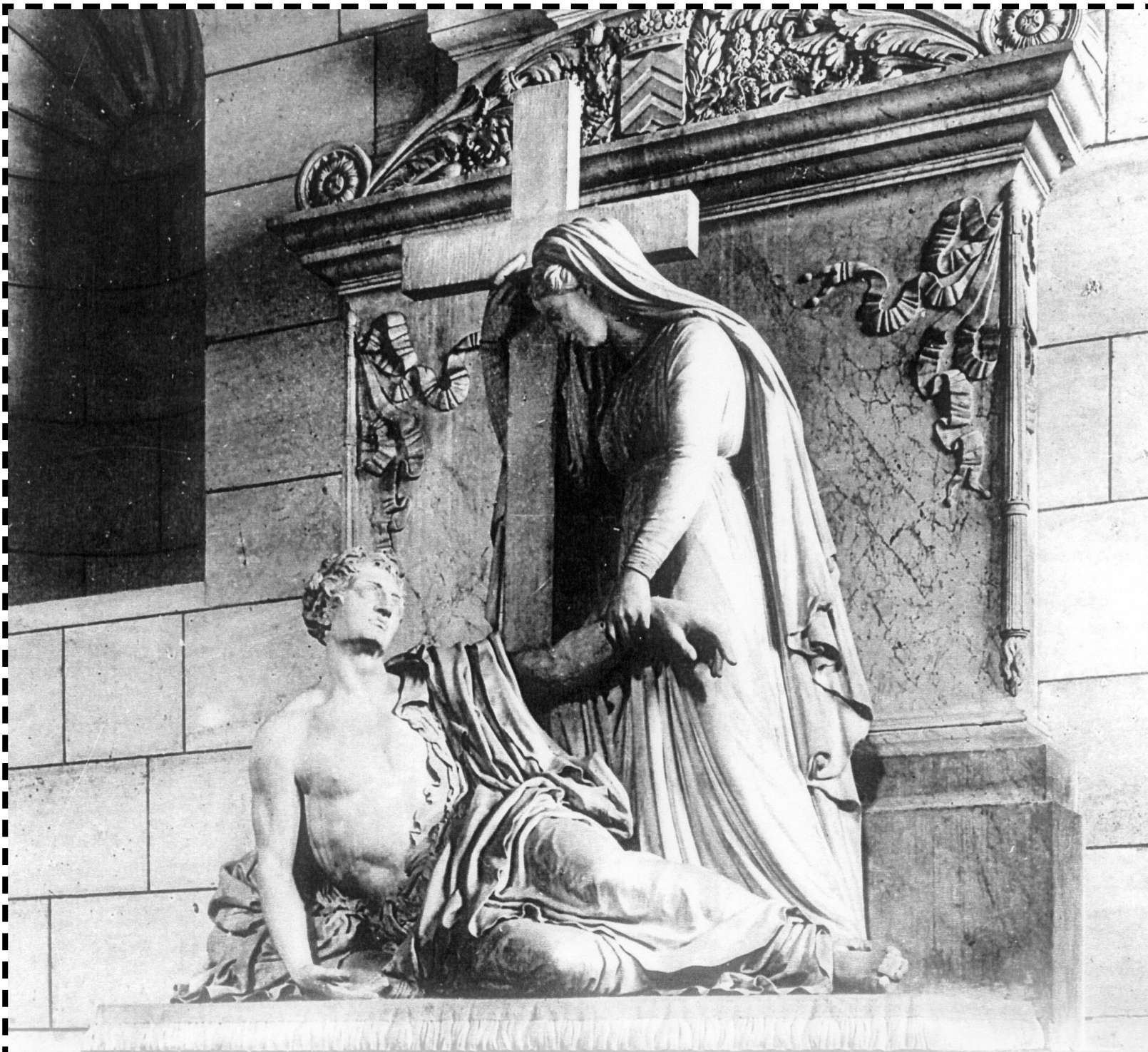
Концертъ Мари Ивановны Долиной

Анонсъ. состоится только одинъ концертъ въ залѣ новой биржи въ этомъ вечерѣ 6 стража

ГАЗЕТА ВСЕМИРНОГО КЛУБА
ОДЕССИТОВ

№ 3 (55)

Ноябрь. 2004 год.

ГРОБНИЦА ОДЕССКОГО ДЮКА

Эту просьбу моего друга Сергея Калмыкова, ценителя старины, особенно одесской, я расценил как почетную миссию. А заключалась она в том, чтобы во Франции побывать на могиле Армана-Эммануила де Ришелье.

Вернувшись в Париж, я направился в Сорбонну. Университетскую часовню построил кардинал де Ришелье и завещал себя в ней похоронить. Я посчитал, что именно оттуда и следует начать поиски. Замечу, что во Франции с 1906 года, когда церковь была отделена от государства, большинство парижских храмов являются исключительно культурными сооружениями и свободно посещаются, но к университетской часовне это не относится. Она закрыта и для богослужений, и для посетителей. Но, к счастью, в те дни в часовне была организована университетом выставка современной живописи. Поэтому вдоль нефа висели большие щиты, и за ними в глубине едва виднелся мавзолей кардинала де Ришелье. Но следов Армана-Эммануила никаких. Раздосадованный, я обратился в справочное бюро Сорбонны, где больше привыкли заниматься студенческими проблемами, чем отвечать на вопросы любителей истории. Поэтому сотрудник поспешил от меня отделаться, заявив, что ос-

танки всех Ришелье, кроме кардинала, давно перезахоронены, а больше он ничего не знает. Пришлось позвонить во Французскую Академию, надеясь, что там достаточно чтят память своего основателя, кардинала де Ришелье, чтобы, по крайней мере, сказать, где покоится Арман-Эммануил, его потомок. Мне сказали, что для этого нужно углубленное исследование. То есть ответа, как я понял, можно дожидаться до греческих календ.

Совсем было отчаявшись, я съездил в родовое имение Ришелье близ города Шинон. Но могилы не оказалось и там. Пришлось вернуться в Сорбонну. И на этот раз счастливый случай мне послал смотрителя часовни — знатока и любителя истории, который уверил, что прах дюка покоится все-таки здесь, в опечатанном склепе под полом храма. А надгробие находится в приделе, скрытом за выставочными щитами. Мы вместе подошли к прекрасному беломраморному памятнику, на котором была единственная надпись: "Дюку де Ришелье, вернувшему Франции ее Рейнскую границу", — милый намек на дружеские чувства царя к дюку, позволившие Франции восстановить свои исконные пределы. Но ни слова о годах, прожитых в Одессе, которую дюк

так любил, что даже хотел в нее вернуться после падения своего правительства в 1821 году.

Мы подошли и к мавзолею кардинала в самом сердце храма, где смотритель с улыбкой заметил, что одесситам, возможно, приятно будет узнать, каким образом их дюку, министру Людовика XVIII повезло куда больше, чем кардиналу — министру Людовика XIII, чьи забальзамированные останки во время Революции вышвырнули на улицу. Прекрасно сохранившуюся голову подобрал трико-тажник Шеваль, берег в подсобке, пока, наконец не отдал своему хорошему клиенту аббату Арме. Ценная реликвия находилась у родственников Арме до 1866 года, а затем была вручена императору Наполеону III. Состоялась величественная церемония в присутствии парижского архиепископа монсеньора Дарбои, который и вернул голову кардинала в его опустошенную гробницу.

...Прошло всего пять лет, и монсеньор Дарбои был застрелен солдатами в дни Парижской Коммуны.

Леопольд де СТАБЕНРАТ,
Париж

Перевод Ирины Беньковской

14
ЛЕТ

исполнилось Всемирному клубу одесситов, четырнадцать лет исполнилось нашей газете "Всемирные Одесские новости".

Все это не юбилей, это вехи, как и четыре года альманаху "Дерибасовская угол Ришельевской", как три года работы при клубе объединения фотодожджников, два года пресс-центра "Третий сектор"...

Я мог бы продолжать этот список, включить в него изданные Клубом книги — от В. Жаботинского до В. Инбер, от Ю. Олеси до Ю. Михайлика, но как забыть о встречах в клубе, о презентациях, о выставках...

И все же — хоть у клуба появились филиалы, собраты во многих городах мира, как, собственно, и у нашей газеты, удовлетворенным всем, что происходит в клубе, с клубом, быть трудно. Я бы сказал, что при всех наших стараниях клуб еще не стал нравственной доминантой города. А иначе как можно объяснить высоты "Орфея" и дома Навроцкого, окружающих Оперный театр, как можно понять возникновение гостиницы "Одесса", разрушившей панораму Приморского бульвара с моря и панораму со стороны бульвара?

Где был тогда Всемирный клуб одесситов, как реагировал на перестройку центра Одессы? Увы, мы должны честно сказать, что были в стороне от процессов, проходящих в градостроительстве. А после драки размахивать кулаками уже и непристойно.

Пишу об этом потому, что Всемирный клуб одесситов должен как свою боль воспринимать любую боль города. Как свою радость — любую радость Одессы. И только тогда мы действительно будем соответствовать задаче, поставленной перед собой, — объединять одесситов всех стран, доказывать не словом, а делом, что бывших одесситов не бывает.

Четырнадцать лет — срок небольшой. Мы многое сделали и, главное, — осознали, что еще нужно делать.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ